

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, профессора Доброхотова Александра Львовича о диссертации Левочского Сергея Сергеевича «Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Диссертационное исследование Левочского С.С. состоит из введения, 5-ти глав, заключения и библиографии. Во введении ставится общая проблема символа ночи, намечаются основные аспекты исследования, которые позволяют выделить основные трактовки символа ночи в философской культуре немецкого романтизма. Актуальность темы небезосновательно связывается с переходным состоянием культуры, что характерно как для периода первой половины XX века, так и для настоящего времени. Стоит подчеркнуть, что специфика «ночной» темы напрямую относится к проблеме языка и возможности символа служить медиатором глубоких, но неопределенных смыслов, которые романтики, в частности Новалис, пытались передать в своих произведениях. В этой связи комментарии автора во введении, поясняющие ключевые понятия работы, такие как «ночное» сознание и «символ», оказываются весьма полезными (с. 13 и с. 28). Разъяснению особой роли символа ночи как концептуальной метафоры в трудах средневековых мистиков и произведениях романтиков посвящается первая глава диссертации (с. 37), показано, каким образом романтиками были адаптированы конкретные положения апофатических учений о богопознании Григория Нисского, псевдо-Дионисия Ареопагита, св. Хуана де ла Крус, Иоганна Таулера, Майстера Экхарта и Якоба Бёме. Так, к примеру, романтики, как и мистики, действительно видели в поэзии важнейший и практический познавательный «инструмент», способный приблизить человека к некоему абсолютному знанию. Однако то, что для

мистиков являлось познанием Бога, для романтиков открывало возможность познания природы творческой интуиции художника и мыслителя. Символ ночи, принадлежащей общей почве поэтического языка романтиков и мистиков, указывает прежде всего на принцип непосредственного знания сущности науки, искусства и самой жизни, путь к которому открывается на глубинном уровне человеческой души. В этом отношении романтиков можно назвать «исследователями субъективности», понимая данный термин максимально широко. Автор доказывает это на примере идеи Жана Поля (Ф. Рихтера) о «поэтическом нигилизме» романтиков.

Во второй главе своего исследования (с. 49) автор выявляет общие предпосылки возникновения романтического символа ночи в таких явлениях европейской культуры второй половины XVIII века как критика теории мимесиса, культ гения, готический роман и творчество Уильяма Блейка. Данные предпосылки автор подробно разбирает в работах Э. Бёрка, Э. Юнга, Х. Уолпола, Т. Грея и К. Гроссе. Значительная часть текста данной главы посвящена анализу эстетических категорий «возвышенного», «страшного», «хаотического», поскольку они оказываются связаны с осмыслением символа ночи как особого концепта романтизма.

В последующих главах (3, 4 и 5-ой) автор приступает к формулировке и анализу основных трактовок символа ночи: стихия воображения, смерть, «темная» основа мира, «ночное» сознание. Каждая из них исследуется автором на основе конкретного материала. Так, первая и вторая трактовки (стихия воображения и смерть) показаны на основе «Гимнов к Ночи» Новалиса, второй части трагедии И.В. Гёте «Фауст» и фрагмента из лекций Г.В.Ф. Гегеля по йенской реальной философии. Кроме детального анализа «Гимнов к Ночи», автор, опираясь во многом на комментарии авторитетных исследователей, совершает интересную попытку истолкования поэмы. Такое пристальное внимание к этому произведению обусловлено тем, что в нем, как замечает автор, символ ночи «является главной структурообразующей

темой». Основные выводы, к которым приходит автор в анализе поэмы, суть следующие: «Ночь – символ души, хранящей в скрытом виде идеи, чувства, стремления, оживающие только в романтическом воображении. Поэт-романтик смотрит на мир с его потенциальной, «ночной» стороны, – актуализирует, выводит из небытия, из ночи, образы, чувства, мысли, идеи». «Смерть в поэме Новалиса предстает как постепенное движение от внешнего источника жизни («дня») ко внутреннему («ночи»), при этом символ ночи указывает на необходимость жертвы внешним в пользу внутреннего». «Ночь – область души и сокровенный источник жизни, в котором созревает и рождается произведение искусства».

В последующих разделах 3-ей главы автор развивает эти положения, доказывая, что «ночное» царство Матерей И.В. Гёте наделено теми же свойствами и атрибутами, что и «мир Ночи» Новалиса. Метафизическое пространство, в котором оказываются Фауст в поисках Елены Троянской, является, во-первых, абстрактной областью возможного, во-вторых, загробным миром, в-третьих, выступает в роли стихии творчества, и, наконец, в-четвертых, указывает на единство прошлого, настоящего и будущего (вечность). Приведенный и проанализированный далее пассаж из йенских лекций Г.В.Ф. Гегеля («Человек – это ночь...») истолкован автором как указание на упомянутую выше проблему языка и выражения «смутных» смыслов средствами поэзии: «Ночь – это сознание вне дискурса, воображение без речи, богатство образов без возможности описания и выражения». Так, лирический герой поэмы Новалиса, как и герой трагедии И.В. Гёте, выступает в роли романтического поэта, который в своём творчестве сталкивается как с миром «ночного», так и с необходимостью его преодоления.

В четвертой главе автор развивает трактовку символа ночи (ночь как «темная» основа мира), которая, с одной стороны, связана с мистическими увлечениями романтиков, с другой же – с альтернативными способами

описания мира. Автор объединяет образы и символы, относящиеся к «ночной» символике романтиков, под общей категорией «иного». Романтики искали не столько противоположности рациональному порядку эпохи Просвещения, сколько альтернативы в познании и исследовании жизни, при которой поэтическое и философское познание станет не менее важно, чем научное. Так Г.Г. Шуберт, Новалис и Ф. Шеллинг в своих произведениях предпринимали синтез спекулятивной философии, естествознания и мистики. Кроме категории иного, символ ночи, как показывает автор в этой же главе, тесно связан с категорией хаотического и образом хаоса, который также является своеобразной альтернативой устойчивому рациональному миропорядку. Специфику романтического хаоса автор показывает на примере произведений Л. Тика, Шеллинга, Новалиса и Гёльдерлина и Ф. Шиллера.

В заключительном параграфе 4-й главы автор анализирует концепцию свободы в поздней философии Ф. Шеллинга, в которой реализуется «ночная» антропология романтиков. Наконец, для раскрытия четвертой трактовки («ночное» сознание) автор обращается к произведениям Э.Т.А. Гофмана. Объектом анализа становятся новеллы из сборников «Серрапионовы братья» и «Ночные этюды». Данная глава описывает сложную диалектику романтического двоемирия. Автор не только указывает на проблему онтологии художественной реальности Гофмана, но и предлагает свои варианты ее решения. Уровни и способы прочтения новелл (литературный, психоаналитический, философский) в 5-ой главе диссертации выгодно сочетаются с детальным, подробным анализом материала исследования.

В заключении работы (с. 130) приводятся основные выводы исследования, автор подчеркивает, что указанные трактовки представлены единым смысловым спектром и потому не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Определенные художественные и философские истолкования

символа ночи выходят на разные планы в конкретных сочинениях представителей немецкого романтизма. Именно этим обусловлена структура данной работы, в которой главы соответствуют основным аспектам концептуализации символа ночи в философской культуре немецкого романтизма, что позволило представить различные проявления эстетико-философского понятия «ночного» в рамках единой концепции.

В своем исследовании автор опирается на широкий круг первоисточников, а также на многочисленные комментарии к ним, связанные как с главной проблемой исследования, так и с общим осмыслением феномена романтизма, его идей, образов и концепций. Как видно из обзора содержания диссертации, сделанного выше, в работе много конкретных нетривиальных наблюдений и замечаний, которые говорят о свежести исследовательского взгляда и новизне прочтения классических текстов. К тому же само сопоставление текстов, которые зачастую в научных работах оказываются разнесенными в различные тематические рубрики создает новый семантический контекст, содержащий весьма продуктивные импликации. Но особо надо отметить радикальную новизну основной концепции данного исследования: построение системы четырех взаимосвязанных тем (1. стихия воображения; 2. царство смерти; 3. «темное» начало мира; 4. «ночное» сознание), с помощью которой автор раскрывает значение символа ночи в философии немецкого романтизма. Система представляет собой связь двух оппозиций 1-2 и 3-4, в которых смысловые «полюса» представляют собой субъективный и объективный аспекты титульного символа. Объективная стихия воображения преобразуется в субъективное растворение Я в смерти; субъективное «ночное» сознание перекликается с творческим хаосом «темного» начала природы. Получившийся таким образом семантический квадрат оказался эффективным герменевтическим приемом для объяснения связи мотивов, которые обычно представлены у интерпретаторов как разрозненные интуиции, объединенные лишь общим настроением. Причем объяснительный эффект выходит далеко за рамки немецкого романтизма, охватывая релевантные темы в средневековье, Просвещении и контр-Просвещении. Что же касается референции воображения и смерти, то эта

связь прослежена, как мне представляется, вообще впервые.

Отыскать недостатки в данной работе трудно, но можно отметить моменты, открывающие возможность полемики. 1) Романтическое «воображение» вряд ли можно свести к его иррационально-поэтической составляющей. Йенская программа, которая, собственно, и является первоисточком романтического поворота, ограничивает власть воображения безусловным признанием трансцендентной границы, за которой находится абсолют, недоступный представлению, но требующий символического воплощения. Таковы романтические принцип иронии и концепт игры. Важной ценностью позднего Просвещения, которую по-своему развивал романтизм, была уверенность в том, что и образ, и понятие могут при определенных условиях стать сообщением о "целом", а не просто частью непонятной и всегда незаконченной последовательности явлений. Ведь у единичного представления в глубинах его природы, есть его собственная доля во всеобщем. Глубинной природой представления, как выяснили философы XVIII века, является то, что это — представление, принадлежащее определенному Я. Кант, открывший ключевую функцию воображения в этом соединении, в свое время обнаружил, что представления можно подводить не только под данные, но и под принципиально неизвестные понятия и идеи. То есть искомое пересечение двух «параллельных» — образа и понятия — теоретически вполне находимо. Романтическое воображение с его арсеналом метафор прочерчивает именно этот путь. Воображение, в поле которого могут по-настоящему встретиться образ и мысль, вряд ли можно однозначно считать «ночным». 2) В диссертации не вполне отражена глубинная связь «дневного» и «ночного» у Новалиса. Конечно, как мыслитель, реабилитировавший средневековье, и поэт, воспевавший таинственное единство любви и смерти, Новалис был чужд Просвещению. Но в то же время он своеобразно продолжает просвещенческую трактовку творчества как трудового преобразования природы. Кроме того, его учение о «золотом веке» включает в себя не только ретроутопию, но и социальный проект (статья «Христианство, или Европа»: первый манифест христианского

консерватизма, обозначивший альтернативу эпохе Просвещения). 3) Интересна мысль о том, что в гофмановском мире раздвоившаяся сущность реального теряет свой сущностный смысл и есть лишь подобие реального в отсутствии оригинала. Так, в мотиве двойника «многие Я существуют без оригинала – «основного» Я». Но все же сказать, что в творчестве Гофмана «мы впервые находим пример полного отказа художника от модели реального вообще» было бы преувеличением, если не аберрацией. Константа реальности у Гофмана все же есть. Если личность распадается на множество самостоятельных начал, каждое из которых имеет свою логику развития, то, по крайней мере, один из этих продуктов распада не равноценен другим. Это — сердцевина «я», которая приоткрывается в совести и в эстетическом чутье художника. Художник — по теории романтизма, которой верен Гофман — есть воплощение единства природной стихийности и разумной сознательности. От чистоты его сердца зависит исход космической битвы света и мрака. Стоит художнику однозначно выбрать «свет» — и мир превратится в бездушный механизм. Стоит выбрать «тьму» — и тьма отбирает самостоятельность «я». Если больное сознание порождает двойников, дает силы активным призракам, то оно же — сознание — будет источником спасения. Недаром Гофман — один из зачинателей детективного жанра («Мадмуазель Скюдери»). Сознание должно пройти, шаг за шагом, путь бессознательного, удвоить двойника, отразить отраженное и тем самым обезвредить его. Художник — это и есть идеальный следователь. Только он может увидеть ситуацию изнутри. Отсюда — один из любимых приемов Гофмана: ироническое разоблачение искусственного, «механического» мира, фальшивой имитации: кукол, автоматов, зеркал — всего того, что кажется правильным повторением жизни. Эта имитация опасна, потому что она заслоняет от нас «ночное», создает иллюзию господства мира обыденной жизни. «Ночному» поневоле приходится прорываться в наш мир «незаконно», через слабые, больные его сочленения, становясь при этом разрушительной силой, но все же оно в основе — союзник «дневного». 4) Возможно, автору стоило бы включить в исторический горизонт диссертации

античный материал. Темы «священного безумия» художника, дионисийской стихии, платоновской материи позволили бы указать на глубинные корни мифологемы ночи. Сделанные замечания по сути являются не столько критикой, сколько пожеланиями, которые могут быть полезны при трансформации данной работы в монографию, что было бы в высшей степени целесообразно.

Диссертационное исследование, представленное Левочским С.С., имеет широкий спектр практического применения: его результаты могут быть использованы для построения лекторских курсов по теории и истории культуры, культурологии, философии культуры, истории литературы; его методологические приемы могут быть применены в гуманитарных исследованиях, имеющих дело с анализом культурно-исторической реальности в аспекте символизации смыслов. Содержащиеся в диссертационном исследовании Левочского С.С. теоретические выводы значимы для развития философии культуры: они позволяют прояснить вопрос о генезисе, развитии и глубинном смысле одной из наиболее интересных символических конструкций романтизма. Очевидны достоверность, обоснованность выводов, новизна работы и ее актуальный вклад в сегодняшнюю гуманитарную науку. Диссертация с формальной точки зрения выстроена методически корректно, фундаментально обоснована текстуальным материалом и оформлена в соответствии с нормативными требованиями. Автореферат соразмерно и адекватно отражает содержание диссертационной работы. Диссертация Левочского С.С. «Концептуализация символа ночи в философской культуре немецкого романтизма», представленная на соискание ученой степени кандидата философских наук, по своему содержанию, структуре, завершенности, обоснованию теоретических положений и возможности практического использования полностью соответствует требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением

Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор – Левочский Сергей Сергеевич – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности – 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Официальный оппонент,
профессор, доктор философских наук,
ординарный профессор Школы культурологии
Факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский университет
“Высшая школа экономики”»

Доброхотов Александр Львович

Адрес оппонента:

117593, Литовский б-р, 5/10-163.

Тел. 8-916-582-69-53

E-mail: adobrokhotov@hse.ru

Почтовый адрес НИУ ВШЭ: 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., 21/4;

тел: +7 (495) 772-95-90*22696;

e-mail: fgn@hse.ru

С научными работами Доброхотова А.Л. можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru

«19» мая 2019 года

Подпись проф. А.Л. Доброхотова удостоверяю.

Подпись заверяю

26.04.2019

СПЕЦИАЛИСТ ПО
КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
ОТДЕЛА ПО КАДРОВОМУ АДМИНИСТРИРОВАНИЮ
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
КУНЕВА О.А.

